

Variante und auch in Binnendeutsch veraltet:**der Feschak:**

dieses ostösterreichische saloppe Wort, das in Binnendeutsch einen **feschen Mann** bezeichnet, ist aus dem englischen Wort fashionable entlehnt. Im Tschechischen wird das umgangssprachliche Wort **fešák** verwendet;

der Schamster:

binnendeutsch **Bewerber** (im Sinne von um ein Mädchen freien), im Tschechischen entspricht diesem Wort der teilweise veraltete Ausdruck der Gemeinsprache **šamstr**.

Betrachtet man die erwähnten österreichischen Wörter vor dem Hintergrund ihrer tschechischen Äquivalente aus thematischer Sicht, dann stellt man fest, daß die meisten Vokabeln zum Thema Kochen, Lebensmittel, Obst und Gemüse gehören. Die zweitgrößte Gruppe wird von Wörtern der Amtssprache gebildet, und an dritter Stelle stehen die Ausdrücke aus dem Gebiet der Wohnkultur (z. B. Möbel oder Haushalt). Im Zentrum des Interesses für den österreichischen Wortschatz muss nicht nur die Bedeutung der Wörter stehen. Beachtet man z. B. die Form der österreichischen

Vokabeln, dann findet man ebenfalls Erscheinungen, die dem Tschechen gut bekannt sind, denn sie erinnern ihn an die Form in der Muttersprache.

Literatur:

1. Duden - Deutsches Universalwörterbuch: völlig neu bearbeitete Auflage. Mannheim, S.901
2. Ebner, Jakob: Wie sagt man in Österreich: vollständig überarbeitet Auflage: Mannheim, - 1980, S.149
3. John, Michael - Lichtblau, Albert: Schmelztigel Wien einst und jetzt. Zur Geschichte und Gegenwart von Zuwanderungen und Minderheiten. Wien/Köln 1990, S. 57
4. Spáčilová, L.: Der gegenseitige Einfluss des Tschechischen und des österreichischen deutsch in näherer Geschichte und Gegenwart. In: Muhr, R., Schrodt R., Wiesinger P. (Hrsg.). Österreichisches Deutsch: linguistische, sozialpsychologische und sprachpolitische Aspekte einer Nationalen Variante des Deutschen. Wien: Holder-Pichler-Tempsky, - 1995, S. 331-334
5. Wiesinger, P. Das österreichische Deutsch in Gegenwart und Geschichte, LIT Verlag, Wien, 2006, S. 219
6. Valta, Zdenik: Die österreichischen Prägungen im Wortbestand der deutschen Gegenwartssprache, - Prag 1974, S.231
7. Zeman, Dalibor : Das österreichische Deutsch und die österreichisch-tschechischen Sprachbeziehungen : ein kulturhistorischer und sprachlicher Abriß / eingereicht von Dalibor Zeman , 2003, S.33

УДК 81'373.72:811.111

Прокофьев Г.Л.

*к. филол. наук, доцент кафедры украинского и иностранных языков
Уманский национальный университет садоводства, г. Умань, Украина
gprokofiev@mail.ru*

УСПЕШНОСТЬ ИРОНИЧЕСКОЙ ИГРЫ И ИРОНИЧЕСКИЕ НЕУДАЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются условия успешности иронической игры в ситуации непосредственного речевого общения между коммуникантами и причины иронических неудач. Определяются прагмалингвистические особенности иронического типа общения.

Ключевые слова: ироническое общение, условия успешности, ироническая неудача, интенция, конвенция, разделенная иллокуция.

Prokofiev G.L.

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Ukrainian and Foreign Languages
Uman National University of Horticulture, Uman, Ukraine
gprokofiev@mail.ru*

FELICITY OF THE GAME OF IRONY AND IRONIC FAILURES

Abstract. *Felicity conditions of an ironic language game in interpersonal communication and causes of ironic failures are considered. Some pragmalinguistic peculiarities of ironic communication are defined.*

Key words: *ironic communication, felicity conditions, ironic failure, intention, convention, divided illocution.*

Процессы порождения и интерпретации косвенных смыслов, иронии в том числе, находятся в центре внимания исследователей, принадлежащих к разным направлениям современной лингвистики [7]. Особенностью иронического речевого акта является то, что для его понимания следует включать его не только в контекст ситуации, но и в контекст особого коммуникативного стиля, присущего ироническому общению. По этой причине Г.Г.Почепцов (мл.) относит иронический речевой акт к системным речевым актам, отсылающим одновременно как к самому факту, так и к его интерпретации в той или иной системе. В таких случаях передача информации осуществляется «не столько за счёт непосредственной подачи факта, сколько с помощью подчёркивания стоящей за ним закономерности» [2, с. 37]. Передача иронического смысла необходимо сопровождается обращением к особой системе знаний об иронии как коммуникативном поведении, являющейся инференциальной основой для понимания иронического высказывания.

Обращение к ироническому типу общения целесообразно лишь при условии, что коммуниканты разделяют процедуры интерпретации высказываний, построенные с учётом образующих данный тип общения категорий, правил и стратегий. Как и другие имплицитные методы, ирония эффективна лишь потому, что информация о ней составляет часть фоновых знаний коммуникантов. Несмотря на то, что употребление иронии может породить проблемы в общении, в большинстве случаев оно не противоречит речевым ожиданиям адресата, воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Следовательно, можно говорить об иронической компетенции как части коммуникативной компетенции и об иронической конвенции, представляющей собой свод правил, регулирующих и описывающих деятельность коммуникантов по созданию, передаче и восприятию иронического смысла, которая направлена на решение ряда коммуникативных задач.

Целью данной статьи является рассмотрение возможных сбоев в ходе общения при передаче и восприятии иронического смысла, которые имеют прагмалингвистический характер. При интерпретации иронического высказывания распознавание намерения говорящего вдвойне важно, поскольку ироническое намерение является «намерением по отношению к намерению», намерением второго порядка, которое сопутствует ассертивному, комиссивному, директивному, квеситивному, экспрессивному или декларативному намерению. Более того, само представление об иронии как о намеренной передаче неискренности говорящего по отношению к реализуемому им иллокутивному акту тесно связано с процессом отражения или распознавания адресатом авторской интенции.

В принципе, говорящий может ненамеренно нарушить то или иное условие успешности, тем самым создавая условия для появления ненамеренного иронического смысла, который может увидеть адресат:

/1/ Quartermaine: Oh, well I thought I might take in a show tonight – that Ibsen thing at the Arts. Melanie: Isn't it the Cherry Orchard? /Gray S. Quartermaine's Terms, 1981, p.31/.

В данном примере Мелэни ненамеренно нарушает предварительное условие обоснованности связанного с данным актом вопроса утверждения, предполагая, что автором «Вишнёвого сада» является Г. Ибсен. Здесь нельзя говорить об отраженной интенции, поскольку ирония является по сути дела метакоммуникативной, возникая в результате несоответствия между намерением говорящего и отражением этого намерения адресатом. Другими словами, ироническая ситуация возникает независимо от желания говорящего. Это возможно именно потому, что существуют определённые правила, соблюдая которые, говорящий может порождать иронический смысл. Следовательно, ироническое намерение передаётся конвенциональным путём, распознаётся благодаря тому, что существует общепринятая практика иронического общения.

Следование конвенции подразумевает выбор её коммуникантами из некоторого арсенала средств. Отсюда и некоторая ослабленность условий – конвенция описывается в терминах возможности, уместности, заинтересованности. Поэтому необходимо возникает вопрос о том, какой должна быть степень обязательности следования той или иной конвенции. Очевидно, ответ на этот вопрос зависит от того, выбирает ли говорящий данный тип общения интуитивно, опираясь на свой речевой опыт, или же обращение к данному типу общения является результатом соглашения, к которому приходят коммуниканты. Если конвенция является результатом открытого соглашения, то её определяют как институционализированную /institutionalized/ конвенцию [3, с. 26]. В этом случае должна иметь место некая открытая договорённость между коммуникантами., которые закрепляют статус общеупотребительности тех или иных речевых действий или их последовательности. Вероятно, ироническая конвенция не обладает таким статусом, хотя исключить возможность заключения соглашения такого рода нельзя. Ироническое общение может использоваться как код в особых обстоятельствах, когда его участники прибегают к нему согласованно в расчете на непочтение его слушающим, подслушивающим или псевдоадресатом, для которого предназначено прямое значение иронического высказывания. Но и здесь успешность коммуникации будет принципиально зависеть от иронического опыта говорящего и адресата. Поэтому мы склонны отнести ироническую конвенцию к тому типу конвенций, которые называют неформальными [8, с. 102], неинституционализированными [3, с. 26] или полуконвенциями (semi-conventions) [4, с. 61]. Правила, их составляющие, документально не оформлены, они познаются человеком в процессе жизни, в практике общения с другими людьми. Такого рода конвенции предполагают знание коммуникантами их сферы распространения и специфических условий, характерных для данного типа общения. Близость систем знаний коммуникантов о применении конвенции способствует их успешному взаимопониманию и взаимодействию, определяет коммуникативное прогнозирование говорящего и коммуникативное ожидание адресата.

Умение воспринимать юмор и иронию может рассматриваться как один из важнейших параметров, по которым определяется степень овладения языком [6, с. 187; 11, с. 225]. Подобно этому речь может идти о метафорической, или образной /figurative/ компетенции [10, с. 368]. Обращение с различными средствами косвенности представляет особую сложность, поскольку оно требует не просто технического умения, но и творческих способностей. Ироническая «некомпетентность», по мнению Дж.Мея, свойственна многим говорящим на родном языке [9, с. 145]. В этом случае её нельзя объяснить только недостаточностью фоновых знаний или интерференцией правил иронической техники, привнесённых из родного языка.

Дж.Остин, определяя особенности перформативных высказываний, говорит об их принадлежности к классу «масок» в связи с тем, что они маскируются под описательные утверждения факта, хотя на самом деле таковыми не являются [1, с. 26]. Определение «маска» отражает также и сущ-

ность иронического высказывания: оно маскируется под утверждение факта, обещание, побуждение, вопрос, не являясь таковым в действительности.

Иронические высказывания могут быть рассмотрены как часть процедуры иронической игры, в которой должны принимать сознательное участие как автор высказывания, так и его адресат. Для её осуществления необходимо соблюдение ряда условий. Прежде всего, высказывание говорящего должно быть намеренно ироническим, а не просто осмысленным как таковое по воле адресата. В целом же ироническое действие не будет успешным, если адресат не воспримет иронию, заложенную в высказывание говорящим, и не отразит своё понимание в речевых (или неречевых) действиях, как следующих непосредственно за ироническим высказыванием, так и отделённых от него во временном плане.

Определение «ироническая игра» обозначает не диалог, состоящий из иронических реплик, а действия коммуникантов по порождению, передаче и восприятию иронического смысла. Понятие успешности иронической игры предполагает правильное участие обоих коммуникантов, оговоренное рядом условий. При их несоблюдении возникают иронические неудачи, которые представляют собой подвид коммуникативных неудач, для рассмотрения которых мы используем схему, предложенную Дж.Остином для исследования перформативных высказываний, где под кодами А и В обозначены осечки говорящего и адресата, а под кодом Г – их злоупотребления [1, с. 32-33]:

иронические неудачи

А (ироническая игра невозможна) нарушение правил обращения к процедуре	
А. 1 адресат отрицает конвенциональный характер иронической игры, принципиально отказываясь принимать в ней участие	А. 2 говорящий пытается начать ироническую игру в неподходящих условиях или с неумеющими играть партнёрами; адресат отказывается от участия в игре в данных условиях
В (игра происходит с нарушением правил) нарушение правил выполнения процедуры; технические ошибки и препятствия	
В.1 говорящий делает ход, не учитывая контекстуальные и фоновые знания адресата; адресат непреднамеренно ошибается, реагируя на прямое значение высказывания	В.2 говорящий не принимает во внимание различные помехи, мешающие адресату ответить на его иронический ход; невнимательность или волнение адресата, неожиданность иронии в данных обстоятельствах, сложность иронического кода и т.п.
Г (игра происходит с намеренным нарушением правил) злоупотребления	
Г.1 злоупотребления во время иронической игры, «искренность» адресата: адресат симулирует непонимание иронии, не желая вступать в конфликт, развивать затронутую тему и т.п.	Г.2 злоупотребления по окончании игры: говорящий пытается избежать ответственности за ранее выраженное ироническое намерение; адресат делает вид, что не понял иронию, хотя ранее доказал своими действиями обратное

Причинами неудач могут быть нежелание или неумение коммуникантов участвовать в иронической игре, преднамеренные или непреднамеренные ошибки её участников.

В предложенной схеме круг лиц, восприятие которых влияет на успешность иронического действия, ограничивается автором высказывания и его адресатом, не учитывается роль других

возможных участников общения, которыми в ситуации литературного диалога могут быть персонажи, задействованные в том или ином эпизоде произведения.

Помимо этого, иронический адресат может не совпадать с адресатом, для которого предназначено прямое значение высказывания. В этом случае можно говорить о разделённой иллокуции (*divided illocution*) [5, с. 27], предполагающей существование разных адресатов. Под собственно адресатом мы понимаем участника иронической игры, для которого предназначено прямое значение иронического высказывания, под ироническим адресатом – участника, которому иронический говорящий пытается передать информацию о своём отношении к объекту иронии. В определенных выше случаях возможных сбоев передачи косвенного значения адресат является одновременно собственно адресатом и ироническим адресатом. Такое совмещение ролей несколько упростило задачу прогнозирования неудач в иронической игре, поскольку при наличии слушателя это сделать значительно сложнее: ирония, не воспринятая собственно адресатом, может быть направлена на слушателя, который тем самым становится косвенным ироническим адресатом.

Несмотря на то, что большинство устных речедетельностных процессов протекает в присутствии слушателя или подслушивающего, их присутствие следует считать факультативным, хотя, как правило, говорящий делает ироническими адресатами всех участников разговора. Например:

/2/ Prosser: He's religious. Anni: Yes? /She steps back from him, hands off/. Prosser: Yes! He saves people's souls! They've just had some big do in tents down in Exeter. How many souls did you save down there, Colin? Olley: Dry up, Frank /Frayn M. Make and Break, 1980, p.15/.

В данном примере Проссер задаёт иронический вопрос религиозному Колину. Прямое значение вопроса предназначено для Колина, ирония же – для всех участников беседы. Насмехаясь над объектом иронии, говорящий одновременно апеллирует к другим собеседникам, разделяющим его отрицательное отношение к чрезмерной религиозности. В примере /2/ собственно адресат является «по совместительству» ироническим адресатом и объектом иронии.

Иногда автор иронического высказывания отказывает адресату - объекту иронии в праве быть ироническим адресатом:

/3/ Lifer: Thanks for the smoke, Mr.Dunlavin. Dunlavin: Not at all, sure, you're welcome, call again when you're passing /Behan V. The Quare Fellow, 1978, p.53/.

Адресат не может понять всю иронию, содержащуюся в высказывании Данлевена, поскольку он ещё не знаком с негласными правилами, регулирующими взаимоотношения заключённых (в частности, не принято просить сигареты у других заключённых). Ироническими адресатами являются другие заключённые, присутствующие при разговоре. Успешность иронической игры в данном случае зависит от подготовленности слушателей.

Косвенным адресатом иронии может становиться и подслушивающий:

/4/ Sir Peter: ...Lady Teasle's conduct of late has made me very unhappy. Joseph: Indeed! I am very sorry to hear it /Sheridan R. The School of Scandal, 1949, p.63/.

В данном эпизоде в роли полу-подслушивающего оказывается Леди Тизл. Автор иронического высказывания знает о её присутствии, адресат же – нет. Лживое соболезнование Джозефа иронично для Леди Тизл, поскольку ей прекрасно известно действительное его отношение к Сэру Питу. Таким образом, высказывание имеет два значения говорящего – неироническое, направленное на собственно адресата, и ироническое, направленное на слушателя – косвенного иронического адресата.

В примерах /3/ и /4/ говорящий выводит собственно адресата за пределы иронической адресации, поскольку тот не обладает достаточными для восприятия иронии контекстуальными и фоновыми знаниями, и включение его в пределы иронической адресации привело бы к сбою (В.1) и к нарушению соответствующего предварительного условия иронического речевого акта.

Таким образом, число иронических адресатов может охватывать как всех присутствующих при разговоре, так и ограничиваться адресатом или слушателем. Более того, иногда автор иронии является единственным в данной ситуации общения коммуникантом, который в силах её прочесть. Такой иронический говорящий делает ироническим адресатом самого себя. Этот вид иронии называют «иронией для себя» (private irony) /Muecke 1969: 59/:

/5/ Caligula: ... You may find yourself a famous man, Mr.Cash. Krank: Yes, I rather think I may / Arden J., The Waters of Babylon, 1976, p.83/.

Кранку известно, что адресат его высказывания не может быть адресатом иронического смысла, поскольку ему не известно, что, не взирая на внешнее благополучие, Кранк находится на грани провала. Поэтому ирония Кранка является по сути дела самоиронией, объектом и единственным адресатом которой является сам говорящий.

Рассматривая возможных адресатов иронических высказываний, авторами которых являются персонажи пьес, следует учитывать возможность для говорящего прямо или косвенно адресовать иронию зрителю, который обладает статусом слушателя. Примером прямого иронического обращения к зрительному залу может быть следующий диалог:

/6/ Grandma /nodding/: Figgers, figgers. What's your name, honey? Youngman: I don't know.... Grandma /to the audience/: Bright, too! Youngman: I mean.../Albee E. The Sandbox, 1981, vol.1, p.137/.

В данном примере автор иронического высказывания делает зрителей как собственно адресатами, так и ироническими адресатами.

Косвенное обращение к зрителям встречается чаще:

/7/ Lamb: What's he like, Mr. Gibbs, to speak to? I mean, what sort of a person is he? Cutts: Oh, he's a charming person. So genuine /Pinter H. The Hothouse, 1980, p.59-60/.

В ответе на вопрос Лэма Катс с похвалой отзываясь о своём сослуживце. Его адресат не может быть адресатом иронии, так как не обладает для этого достаточной информацией. Ее воспринимает косвенный иронический адресат – зрители, которым известно, что искренность – это как раз та черта, которой Гиббс не обладает.

Ироническая неудача в литературном диалоге невозможна в принципе, если только автор иронического высказывания не пытается скрыть своё действительное отношение к объекту иронии от зрителя или читателя, что маловероятно.

Как мы видим, понятие адресата в иронической игре может расслаиваться на понятие собственно адресата и иронического адресата. Ироническим адресатом может стать любой участник иронической игры, включая и самого автора иронического высказывания. Примеры ситуаций иронической игры, действие которой охватывает не только говорящего и адресата, но и слушателя, только подтверждают наше предположение о существовании определенных условий ее успешности. Игра достигает своей цели, если говорящему удаётся избежать неудачи – успешно передать косвенный смысл высказывания адресату иронии.

Список литературы:

1. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22-130.
2. Почепцов Г. Г. (мл.) Коммуникативные аспекты семантики / Г. Г. Почепцов (мл.). – Киев: Вища школа. – 1987. – 131 с.
3. Allwood J. Linguistic Communication as Action and Cooperation. A Study in Pragmatics / J. Allwood. – Goteborg: Univ. of Goteborg, 1976. – 247 p.
4. Eemeren F. Speech Acts in Argumentative Discussions / F. Eemeren, R. Grootendorst. – Dordrecht: Foris, 1984. – 215 p.
5. Fill A. «Divided Illocution» in Conversational and Other Situations – and Some of its implications / A. Fill // IRAL. – 1986. – Vol. 24, No I. – P. 27-34.

6. Hackman D. Irony in Speech Acts Involving Foreigners / D. Hackman // Papers from the 4-th Scandinavian Conference of Linguistics. – Odense, 1978. – P. 187-191.
7. Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader / [ed. by H. L. Colston & R. W. Gibbs]. – N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. – 619 p.
8. Marcondes de Souza F. Language and Action. A Reassessment of Speech Act Theory / F. Marcondes de Souza. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – 165 p.
9. Mey J. L. Whose Language? A Study in Linguistic Pragmatics. / J. L. Mey. – Amsterdam: Benjamins, 1985. – 412 p.
10. Pollio H., Smith M. Metaphoric Competence and Complex Human Problem Solving / H. Pollio, M. Smith // Cognition and Figurative Language. – Hillsdale /N.J./, 1980. – P. 365 - 392.
11. Takashima H. Acculturation and Second Language Learning: Use of Comics to Measure the Degree of Acculturation / H. Takashima // IRAL. – 1987. – Vol. 25, No 1. – P. 25-40.

Список источников иллюстративного материала

1. Albee E. Plays / E. Albee. – Vol. 1. – N.Y.: Coward, McCann and Georghagan, 1981. – 230 p.
2. Arden J. Three Plays / J. Arden. – Harmondsworth: Penguin Books, 1976. – 272 p.
3. Behan B. The Complete Plays / B. Behan. – L.: Eyre Methuen, 1978. – 384 p.
4. Frayn M. Make and Break / M. Frayn. – L.: French, 1980. – 108 p.
5. Gray S. Quartermaine’s Terms / S. Gray. – L.: Methuen, 1981. – 135 p.
6. Pinter H. The Hothouse / H. Pinter. – L.: Methuen, 1980. – 154 p.
7. Sheridan R. B. The Scholl of Scandal / R. B. Sheridan. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1949. – 92 p.

Elizaveta Razheva

Ph.D., assistant

Moscow State Regional University

Department of English philology

Moscow, the Russian Federation

SEMANTIC ANALYSIS OF THE ENGLISH THEMATIC GROUP “INSECTOPHONES”

The article is devoted to the semantic characteristics of insect names. They are of interest to study because of their large number and tangible involvement of insects in the human world.

The term insectophone is introduced to denote the names of the insect, but not any names, but only onomatopoeic. It can stand for phonetic onomatopoeia signals of an insect, lexico-phonetic and lexical onomatopoeia means of simulation of the acoustic insect signal.

A set of insectophones we consider as a thematic group which elements serve as a mean of reflection of national-cultural British picture of the world, their semantics are considered as a way of knowledge representation, consistent with the marked insects in the minds of the representatives of the linguistic-cultural community.

The thematic group “insectophones” in English includes the following words: bee, beetle, bedbug, billbug, breeze, Boll Weevil, bombardier beetle, bug, bumble-bee, butterfly, buzz, caddisfly, carabus, chinch, click beetle, cockroach (roach), corn ground beetle, cricket, Daddy-long-legs, dragonfly, drone, Dumbledore, firefly, flea, fly, froghopper, gadfly, gnat, grasshopper (hopper), green-fly, hornet, horsefly,